

Антонова Вера Ивановна, Голяков Андрей Николаевич

ОСМЫСЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ В РОМАНЕ К. АБРАМОВА "СТЕПАН ЭРЪЗЯ"

В статье подчеркивается, что роман-трилогия К. Абрамова "Степан Эрзя" - панорамное произведение, в котором отображается главный герой на фоне национальной действительности. Своеобразие произведения заключается в том, что писатель высвечивает национальную парадигму как основную идею, согласно которой вся жизненная динамика главного героя, мордовского скульптора, является доказательством того, что все его творчество проникнуто народным духом, любовь к которому он приобрел в своем далеком детстве. Кроме того, понятие "родной край" трансформируется К. Абрамовым как социокультурная категория, посредством которой раскрываются личностные качества не только главного героя, но и второстепенных персонажей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-2/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 2. С. 11-14. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.01.00 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82–3(470.345)

В статье подчеркивается, что роман-трилогия К. Абрамова «Степан Эрьзя» – панорамное произведение, в котором отображается главный герой на фоне национальной действительности. Своеобразие произведения заключается в том, что писатель высвечивает национальную парадигму как основную идею, согласно которой вся жизненная динамика главного героя, мордовского скульптора, является доказательством того, что все его творчество проникнуто народным духом, любовь к которому он приобрел в своем далеком детстве. Кроме того, понятие «родной край» трансформируется К. Абрамовым как социокультурная категория, посредством которой раскрываются личностные качества не только главного героя, но и второстепенных персонажей.

Ключевые слова и фразы: быт; крестьяне; национальная специфика; миропонимание; нравы; образ жизни; природа; роман.

Антонова Вера Ивановна, д. филол. н.

Голяков Андрей Николаевич

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева

belkich@rambler.ru; belkich@rambler.ru

ОСМЫСЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ В РОМАНЕ К. АБРАМОВА «СТЕПАН ЭРЬЗЯ»

Николай Васильевич Гоголь, будучи великолепным ценителем народного творчества, народного таланта, народного быта, повествуя о национальной специфике художественного творчества, подчеркивал, что настоящая, «истинная» народность выражается во многих ипостасях, и прежде всего в «самом духе» нации [4, с. 248]. Именно «дух народа», по мнению национального писателя, наиболее четко детерминирует авторскую, приоритетную позицию в литературном произведении. Как бы вторя Н. В. Гоголю, Н. А. Бердяев, рассуждая о проблеме народности литературы, утверждал, что литература не может быть «отвлеченно-человеческой», она в любом случае «национальная, индивидуально-народная», восходящая до общечеловечности» [2, с. 43]. Большое значение при разрешении данной проблемы ученый придавал локальным географическим параметрам. Н. Бердяев обращает внимание на природу, ландшафт, в которых формируется этничность, социальные характеристики национального сознания. Более того, по его мнению, существует прямо пропорциональная связь между «необъятностью» земли и бесконечностью души народа [Там же, с. 271]. Вопросам специфики национального творчества писателей Мордовии посвящены работы В. М. Забавиной, В. М. Макушкина, А. И. Брыжинского и др. [3; 5; 6]. Так, говоря о национальной литературе в целом, о мордовском романе в частности, С. В. Шеянова подчеркивает мысль о том, что мордовский роман глубоко национален. «Романный нарратив» создает «философию» этноса, становится художественным средством стилизации текста... выражает национальное в тесной взаимосвязи с индивидуальным и общечеловеческим [7, с. 34]. Подтверждение этой позиции мы отчетливо видим в произведении К. Г. Абрамова «Степан Эрьзя». Изображая жизнь Эрьзи как историю человека, составившего одну из самых ярких страниц национальной, общемировой культуры, К. Абрамов понимал, что образы таких людей, каким был Эрьзя, в силу своей общечеловеческой значимости не могут рассматриваться вне осмысления духовного опыта народа, его породившего.

Уже первые строчки романа-трилогии ориентируют читателя на ощущение сопричастности двух судеб: автора и главного героя произведения, Степана Эрьзи. Это правомерно, поскольку этих двух мастеров народной культуры – писателя и скульптора – связывает многое: принадлежность к одной национальности; кроме того, аналогичны место рождения, родной язык – эрзянский, обстановка, в которой они выросли, образ жизни, традиции и верования, наложившие отпечаток на всю их жизнь. Кузьма Абрамов, как и его персонаж, Степан Эрьзя, – мордвин; родились они в селах, находящихся вблизи друг от друга: в Большеберезниковском и Ардатовском районах Мордовии; оба – выходцы из беднейших крестьянских семей. И самое главное, что сближает эти две личности, – любовь к своему народу, родному краю, взрастившему их; гордость за свою малую родину, за то, что они являются достойными потомками этого сурового, талантливого народа – мордвы.

В произведении «Степан Эрьзя» автор неоднократно вставляет диалоги, касающиеся национальности героя. Так, в Казани Степан, беседуя с напарником у учителя-иконописца Ковалинского, с гордостью и торжественностью заявляет, что он – эрзянин [1, с. 424]. К. Абрамов как бы недоумевает вместе со своим читателем и мысленно вопрошает: откуда у этого малограмотного парнишки, совсем недавно научившегося читать и писать, столько любви к своей нации? Писатель пытается дать ответ на свой вопрос, приводя в произведении

монологи Степана. В одном из монологов Степан Нефедов поясняет, что, по его мнению, эрзяне – жители всей территории страны, даже царь, по мнению героя, также эрзянин. Впрочем, все, что являлось сущностным, важным и авторитетным, – все для мальчика было либо эрзянским, либо мордовским [Там же, с. 439].

В романе все проникнуто мотивами национального своеобразия того места, где родился будущий гений. Читатель «не видит» места действия, но реализм повествования К. Абрамова достигается за счет точности, скрупулезности отражения действительности. Так, романист, отображая местность села Баево, где прошли юные годы Степана, выбирает для описания следующие определения – «застиранное», «мутный», «побурела», «взъерошенными» и пр. Атмосфера нелегкого крестьянского быта органично передается особой системой эпитетов. К. Абрамов, говоря о нелёгкой участи мордовских крестьян, живших под гнетом царского самодержавия; вводит читателя в тот нелегкий для героя период времени: «Небо на востоке синевато-бледное, словно застиранное. Где-то за плотным слоем облаков восходит солнце. <...> На полях несжатая рожь побурела и полегла. <...> Посреди полей – небольшое село. Его маленькие бревенчатые избы со стороны кажутся взъерошенными ветром копнами старой соломы. Перед избами – корявые ветлы...» [Там же, с. 6]. В данном контексте используется прием художественной аллюзии, при котором автор как бы использует намёк на хорошо известные факты о социально-экономической жизни мордвы. Подобный подход помогает писателю ввести читателя в атмосферу суровой деревенской жизни. К. Абрамов скуп на краски, его пейзажи хотя и прекрасны, но несколько серы, однотонны. Писатель данными средствами акцентирует внимание на безрадостной жизни героя в детстве, на скудности, бедности, серости выживания. Слово К. Абрамова, словно отточенный до блеска резец Степана Эрзы, как бы «вырубает» скупыми, даже нередко грубыми метафорами реальную действительность родного края. Возможно, оттого и получается «нарисованная» писателем картина реальности такой точной, натуралистически напряженной, суровой, детализированной, четкой. Происходит это и вследствие того, что писатель не тратит «напрасных, лишних» слов для обрамления существенного: серость пейзажа обусловлена бедностью населения, притеснением местных крестьян помещиками, всеми трудностями социально-экономических перемен того времени. Но не всегда литератор суров и безжалостен с художественным словом. По мере повествования жизнь Степана Нефедова меняется в лучшую сторону. Выехав из родного села, в Алатыре, затем в Казани он знакомится с новыми людьми, крепнет физически, нравственно, морально. Жизнь не кажется ему уже такой унылой и безрадостной. В соответствии с динамикой повествования меняется эмоциональный фон всего романа. К. Абрамов становится в описании более лиричным, эмоциональным, тонким. Его пейзажи уже не унылы, они наполнены светом, светом надежды. «В утреннем бледном свете снег казался почти синим, словно разбавленное водой молоко. ...занималась утренняя заря. Нижние кромки белых облаков были слегка подкрашены бледно-лиловыми отсветами» [Там же, с. 138]. В многочисленных пейзажных зарисовках К. Абрамов проявляет себя как интроспективный мастер слова, смело использующий изобразительные средства эмоционально-образного воздействия для создания соответствующего настроению героя фона времени и места действия. Пейзажные зарисовки создают в романе конкретную эмоциональную атмосферу, способствуют раскрытию душевных качеств персонажей.

«Степан Эрзя» – реалистическое произведение о мордовском скульпторе, народе, о территории, о местности, быте, нравах, семейном укладе, истории жизни. Своеобразие художественного таланта писателя в том, что мир души и мир творчества скульптора автор пытается понять и осмыслить как через собственное (авторское) видение Родины, так и сквозь призму мироощущения Эрзы. Родина для писателя – это не высокопарные слова и оды, – это и лес, и речка за оврагом, и ветла. Посредством узнаваемых примет отображается Родина, ощущается старинное, с «резными наличниками на избах» эрзянское село Баево, где родился герой, слышится мордовская речь. Мир Эрзы формировался, по интерпретации К. Абрамова, под воздействием как духовно-нравственной культуры мордвы (традиции, верования, песни, предания, притчи и другие паремии), так и под влиянием объективной, реальной обстановки: деревни, чистой речки, леса и ветлы. Писатель как бы вводит, втягивает читателя в неторопливый, размеренный ритм небольшого эрзянского села, посвящает в труды и заботы простой крестьянской семьи; в непритязательных бытовых сценах дает почувствовать неповторимый колорит национальной жизни, выделяет в каждом жителе типы национальных характеров мордовского народа. В первой книге романа вырисовывается основа народной жизни, которая взрастила корни таланта Эрзы как художника. Автор скрупулезно описывает родное село великого скульптора. Так, говоря о месте, где родился главный герой, К. Абрамов поясняет: «Всего одна улица в два порядка домов растянулась по склону большого оврага... на дне которого поблескивает светлый ручеек Перьгалей. <...> Видать, не от добра когда-то осели здесь, у сухого оврага, эрзяне. <...> Место у широкой заливной поймы заняли богатые помещики...» [Там же, с. 6].

Говоря об этимологическом происхождении названия села С. Нефедова – Баева, писатель поясняет: «Эрзяне не помнят, почему их село называется Баево, может, от эрзянского слова “буи”. <...> Живущие вокруг русские эту часть названия переименовали по-своему: бай. Потом и сами эрзяне стали произносить Баево. А может, все было не так. Ведь по среднему течению Волги и по Суре живут и эрзяне, и русские, и есть много русских селений с эрзянскими названиями и эрзянских – с русскими» [Там же, с. 7]. При этом романист не претендует на полную историческую достоверность, он предполагает, рассуждает. Свидетельством данному утверждению являются такие многосоставные понятия, употребляемые писателем, как «может, все было не так», «могло случиться так», «эрзяне не помнят» и пр.

Изображая жизнь Эрзы как историю человека, составившего одну из ярчайших страниц национальной, мировой культуры, К. Абрамов понимал, что образы таких людей, каким был Эрзя, в силу своей общенациональной и общечеловеческой значимости не могут рассматриваться вне специфики жизнедеятельности

мордовского народа, вне природы, окружающей его, духовного и нравственного опыта народа, его породившего, вне широких связей с миром, что в Эрзе, в его нравственно-психологической и художественной сущности многое можно увидеть, если учитывать обусловленность развития его таланта в связях с национальной духовностью и культурой народа в целом.

Национальный колорит романа-трилогии является стержневой основой произведения. Природа центральной части России в авторской речи является конкретным образом, с помощью которого писатель-романист изображает национальные нюансы отражаемой действительности. К примеру, когда автор говорит о природе, то, прежде всего, он не любит ее, но вписывает в отображение пейзажей оттенки беспокойства мордвина-крестьянина, человека-хозяйственника, для которого природа – мать, которая кормит, от состояния которой зависит его благосостояние, завтрашний день. Так, описывая место нового проживания семьи Нефедовых, К. Абрамов, географически точно указывая место действия, дополняет: «На опушке стояли толстые, наверное, столетние дубы и липы. <...> Вниз по течению Бездны раскинулось поле, усеянное кустарниками и кущами деревьев. Узенькими полосками нераспаханной земли вилось оно между этими кущами, точно разорванные куски материи...» [Там же, с. 148]. В поэтике прозы писателя органично связываются воедино настроение природы и условия труда селян. Они как бы взаимовлияют, взаимодополняют друг друга. Так, с большим участием к персонажам, с нескрываемой скорбью автор описывает ситуацию, связанную со стихией – половодьем и с горем, которое разбушевавшаяся вода реки Бездны принесла в дом Нефедовых. «Через двор вода несла большие льдины. Они ударились о плетень, раскачивали его, потом, кружась, понемногу уходили в сторону. Над плетнем передний навес развалился, с крыши слетела солома и поплыла большими охапками вниз по течению. Вскоре свалился и плетень и стал кружиться в воде, точно огромная льдина...» [Там же, с. 192].

На протяжении всего произведения К. Абрамов, акцентируя внимание на национальном колорите, неоднократно обращается к природным пейзажам родного края, описывает все четыре времени года: осень, зиму, лето, весну. Писатель нередко вводит в произведение авторские реплики, посредством которых читатель незримо чувствует природу, слышит, обоняет, «чувствует телом». Кроме того, интересен писательский метод, посредством которого такие категориальные понятия, как «труд крестьян» и «природа», в романе К. Абрамова как бы слиты воедино, они органично взаимопересекаются в одной целостной парадигме. К примеру, отображая раннюю осеннюю пору, автор акцентирует внимание не только на погоде, растительности, но и, подытоживая, дополняет, что в это время года все «поля и огороды убраны», на месте грядок «горделиво возвышались над потемневшей стерней пышные кусты татарника с большими лилово-красными цветами, сплошь усеянные острыми колючками...» [Там же, с. 29]. Авторскими репликами об окончании летних работ писатель раскрывает также свою натуру, которой не чужд, является родным и до боли знакомым этот пейзаж, и убранные конопляные поля, и сваленный в подпол на зиму картофель. Это совершенно объяснимо, поскольку К. Абрамов является не только очевидцем, но и незримым участником всех крестьянских действий. «Осень... Огороды опустели. Конопля и картофель были убраны. Рабочая страда с полей переместила на гумна. В такую сухую и холодную пору самое время молотить. Над токами с утра и до вечера висели облака мякинной пыли» [Там же, с. 32]. Трудно не согласиться с мнением С. В. Шеяновой, которая отмечает, что нередко судьбы героев определяются «бытийными координатами – землей, трудом, природной средой». Основу полнокровной жизни персонажей К. Абрамов усматривает в физической и духовной слитности с ними. В этом заключена суть авторской философии, его осмысление триады «человек – труд – природа».

Национальное, «анимистическое» отображение свойственно и «зимнему» фрагменту, в котором также соединены три «бытийные координаты». В отрывке описывается подработка Степана Эрзи на лесных вырубках. Физический труд был органически чужд герою, но ему приходилось много трудиться, как и всем остальным крестьянам. Тем не менее даже в тяжелый труд «врываються» авторские нотки лиричности, возникающие от органического слияния человека с природой: «Работая, он (Степан) то и дело поднимал голову, поглядывая на заснеженные сосны и ели. Мороз, тишина, бледная, бездонная синь неба! <...> Удары топоров раздаются по лесу звонко, гулко, а когда падает тонкая сухостоина, будто кашляет большой сердитый человек...» [Там же, с. 346]. Писатель не изменяет своей манере, он акцентирует внимание как на природных явлениях, так и на том, что природа – кормилица. Реализм повествования в данном отрывке достигается эмоциональностью, наличием тропов – метафор, эпитетов, приемов олицетворения.

Несколько иначе отражен зимний московский пейзаж, который так далек от деревенской природы Эрзи. Автор уже использует такие слова, как «жгли», «вонь», «чадили», «тлели», «потроха», «требуха» и т.д.: «Землю сковало морозом. Над бульварами Москвы висел мутновато-белесый дым – жгли опавшие листья. После обильных дождей, сыроватые и подмороженные, они еле тлели и невероятно чадили. Воздух был насыщен запахом гари и паленого. На Хитровке к этому запаху примешивалась характерная вонь из обжорных рядов, где для невзыскательных бедняков жарили, парили на жаровнях дешевую еду из ливера, потрохов и требухи» [Там же, с. 17].

Осмысление реальных исторических условий в творчестве Кузьмы Абрамова глубоко и полно представляется сквозь призму национальных представлений о труде. Ассоциативные составляющие концепта «труд» входят в образную систему писателя и служат раскрытию центральных тем и проблем его произведений, актуализация концепта помогает писателю высветить все аспекты эрзянского деревенского бытия. Как известно, в мордовских поселениях, в частности в эрзянских селах, все женщины ткали холсты. Данная национальная традиция – ткачество – также легла в повествовательный ритм К. Абрамова, который сумел ее выразить даже в небольшом непримечательном фрагменте о природе. Так, любуясь ясным зимним днем, используя эпитеты и сравнения, он не преминул связать природное явление с результатами женского труда: «Мороз вышил

на окна свои узоры. Сквозь них просачивается розовато-молочный свет ясного солнечного дня. <...> От окна на куски холста падает бледновато-розовый отсвет. Со стороны холст кажется снегом в лесу...» [Там же, с. 52].

Чтобы донести до читателя идейный смысл своего произведения, К. Абрамов стремится не только к совершенству художественной формы, но, прежде всего, стиля. Стилистическая неоднородность четко прослеживается в отражении писателем природы. Если зиму и осень он описывает в сдержанных красках, лаконично и скуповато, то весну и лето – более насыщенно, эмоционально, непринужденно. К примеру: «Весна в этом году была затяжной и холодной. Снег начал таять в середине марта и таял медленно; дневные оттепели перемежались ночными снегопадами» [Там же, с. 68]. Или, рисуя пасхальные дни, писатель «пробуждает» природу, что сродни с творческим пробуждением Степана, который в данный период времени находился на учебе в городе Алатырь. «Отзвенела светлая пасхальная неделя стройным перезвоном колоколов всех девяти алатырских церквей. Дни стояли ясные, теплые, быстро поднималась изумрудная травка, затягивая двory и дороги мелким ковром. В высоких березах уже ткался зеленый туман, и птицы несмолкаемо пели от зари до зари» [Там же, с. 318]. Простота, доступность художественного изложения, соотнесенность пейзажа с представлениями героя о жизни, творчестве определяются художественной требовательностью писателя, его эстетическим чутьем, мерой его талантливости.

Нарастает эмоциональное напряжение повествования при описании лета в деревне: «В лесу было сумеречно и прохладно. Лишь изредка прорывались яркие лучи солнца сквозь густую листву деревьев и рассыпались в высокой придорожной траве. Последние дни весны всегда бывают ясными и теплыми. В это время распускаются цветы. Лес переполнен птичьими голосами...» [Там же, с. 258]. Но более жестко, реалистично отражается лето в городе: «Дневная жара уже спадала, но город по-прежнему был шумен и полон народу... А солнце, багровое и огромное, рассеченное тонкой полоской горячей по краям тучи, уже катилось по краю земли...» [Там же, с. 447]. «Шум», «багровое солнце», жара, «горящая туча» – писатель как бы готовит Степану почву для иной, незнакомой жизни. Герою необходимо уехать из этого хмурого места туда, где все его мечты, планы, творческие фантазии сбудутся.

Таким образом, ощущение родной природы, края в романе-трилогии всегда сопряжено с внутренним настроением главного героя. В зависимости от того, что чувствует Степан, какое у него настроение, каковы обстоятельства жизни, – меняется и фон описания. В понятия «родное», «национальное» К. Абрамов вкладывает собственное, авторское мироощущение, подчеркивая, что Эрзя – выходец из глубинки. Произведение насыщено национальным колоритом, все в романе подчинено одной цели – полно, всесторонне представить национальную самобытность творчества скульптора Эрзи. Писатель подчеркивает, что творчество великого мастера есть отражение национальной реальности, национального сознания. И хотя профессиональное мастерство Степан Эрзя оттачивал в различных уголках России, в многочисленных странах мира, тем не менее в каждой его работе отчетливо видна народная культура. Гений Мастера зародился в мордовской глубинке, талант возвращен на родных просторах, корни, питающие его искусство, берут начало от родного села, где он провел детство, от природы, людей, воспитавших и взрастивших его.

Список литературы

1. Абрамов К. Г. Собрание сочинений: в 7-ми т. / пер. с морд.-эрзя Г. Максимова и Ю. Галкина. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1999. Т. 3. Степан Эрзя: биограф. роман. Кн. 1 и 2. 526 с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990. С. 43-271.
3. Брыжинский А. И. Современная мордовская проза: движение жанра. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. 232 с.
4. Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9-ти т. М., 1994. Т. 7. 248 с.
5. Забавина В. М. Кузьма Григорьевич Абрамов: очерк жизни и творчества. Саранск, 1966. 87 с.
6. Макушкин В. М. Обретение зрелости. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1984. 224 с.
7. Шеянова С. В. Современный мордовский роман: проблематика, поэтика: монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 284 с.

UNDERSTANDING OF THE NATIONAL PARADIGM IN THE NOVEL BY K. ABRAMOV “STEPAN ERZY”

Antonova Vera Ivanovna, Doctor in Philology
Golyakov Andrei Nikolaevich
Ogarev Mordovia State University
belkich@rambler.ru; belkich@rambler.ru

The article emphasizes that the novel-trilogy by K. Abramov “Stepan Erzya” is a panoramic work that shows the main character against the background of national reality. The originality of the work lies in the fact that the writer highlights the national paradigm as the basic idea, according to which the whole life dynamics of the protagonist, the Mordovian sculptor, is a proof that all his creative work is imbued with a folk spirit, the love of which he acquired in his childhood. Moreover, the notion of “native land” is transformed by K. Abramov as a socio-cultural category through which the personality qualities not only of the main character but secondary characters are revealed.

Key words and phrases: life; peasants; national specificity; world view; morals; way of life; nature; novel.